Евгений Попов
ПАМЯТНИК ТЯЖЁЛОЙ ВОЛНЕ

Евгений Попов

Памятник тяжёлой волне (сборник)

«Попов Евгений Александрович»

2014

УДК 821.161.1-1
ББК 84(2Рос=Рус)6-5

Попов Е. А.

Памятник тяжёлой волне (сборник) / Е. А. Попов — «Попов Евгений Александрович», 2014

Новая книга петербуржца Евгения Попова приходит к читателю как метафорическое воплощение очередной волны времени, производящей как разрушительное, так и мобилизующее и созидающее действие. Автор в своеобразной манере создаёт картину современного мира, осуществляя лирический синтез событий и чувств, обретений и потерь. Его герой живёт в родной стране, не теряя контакта с миром и вселенной.Текст публикуется в авторской редакции.

УДК 821.161.1-1
ББК 84(2Рос=Рус)6-5

© Попов Е. А., 2014
© Попов Евгений Александрович, 2014

Содержание

Графитовый оплот стиха 6
От автора 7
Избранное 8
Конец ознакомительного фрагмента. 35

Евгений Попов
Памятник тяжёлой волне

© Попов Е.А., 2014.
© Муриков Г.Г. (Предисловие), 2014.

* * *

Графитовый оплот стиха

В новой книге «Памятник тяжёлой волне» Евгений Попов предлагает избавляться от робости. От робости перед художественным риском, от робости перед жизненными испытаниями, от страха. Энергия стиха, то подспудная, то переходящая в фазу тяжёлой волны… По этому принципу строится книга. И это не формальный подход, а наполнение формы живой плотью.

Предыдущая книга Попова была написана верлибром («Западновосточный ветер»). Новая – рифмованным стихом. Это обусловлено задачами поэта и отвечает необходимости максимального выражения содержания нашей жизни, требующей непрестанно меняющихся форм реагирования на обстоятельства, оставаясь на незыблемых её основах.

Е. Попов с лёгкостью оперирует, как сказал бы математик, большими и малыми величинами. И парадоксами, я бы добавил… Для него это естественно. И такие переходы, такое лёгкое дыхание привлекают, притягивают, метод поэта постепенно становится понятным, волнует и радует. Хотя, скажу прямо, читатель должен проявить некоторое интеллектуальное усилие, чтобы войти в мир поэта. А как же без этого!

Без колебаний рекомендую эту книгу читателям. Евгений Попов, на мой взгляд – один из наиболее самостоятельных и самобытных поэтов в нынешнем Петербурге.

Геннадий Муриков

От автора

Периоды жизни, пульс поэзии, фазы луны, солнца, вселенной… Куда я клоню? Да в книгу тяну. А книга тоже природа и организм. Она рождалась постепенно – и вот вышла из-под печатного станка. Жизнь её отпрессовала. Она у меня маленькая, книга моя. Читайте её бережно. Но зачитывать разрешается. Я тем временем постараюсь новую сделать. А там посмотрим, что дальше: какими литературными и жизненными жанрами вас порадовать.

Люблю книги небольшие. Чрезмерные дозы литературы не должны травмировать читателя – притупляется восприятие.

Представим себе огромную волну. Она имеет свои фазы нарастания и угасания. И книга построена на этом принципе.

Подробности далее. Моё дело предупредить, сориентировать, а дальше пусть всё идёт по воле волн. Дальше и дольше.

Избранное

«Я создал мир, который так тяжёл…»

Я создал мир, который так тяжёл.
Здесь высоко. И рядом облака.
Здесь женщина любимая за стол
Садится плавно, и рука легка.
Её звезда не гаснет на свету,
И всё, что с нею рядом – всё в цвету.

Там тень скользит, но что мне эта тень!..
Есть линия, сквозная, как река.
– Ты, уходя, пожалуй, плащ надень,
Я зонт возьму, ведь впереди века.

«Прополощешь азбукой горло…»

Прополощешь азбукой горло,
Откинешься на спинку дали, задумаешься,
Вздохнёшь. Да не раз, да не два,
А тридцать три.
Пока не зальют Вселенную кипящие руды,
Будем угольки помешивать,
Звуки ловить лакомые, перламутровые и пудовые,
Простые краски вбирать, а также изысканные,
Каждый своим, у кого что
вострей настроено, внимать.
Мембрана города вибрирует,
Сферы томные трепещут,
Спят в поднебесье пассажиры,
Дети чирикают, женщины гарцуют.
Не закатывайте, женщины, глаза беспричинно,
Мужчины, реже рубите сплеча, но точнее.
Камертоны природы гудят верно,
Натянем струны чувств, затянем душевную,
А потом грянем позабытое, но всё ещё живое.
Так рокотати, что расступится
темень сгущённая,
Тела наши воспрянут.
Все ли слышат, все ли ведают,
Туда ли речь запускаю дерзкую?
Нами ли натянуты струны рокота…

«Если зазвенит в лесу колокольчик…»

Если зазвенит в лесу колокольчик.
Если вспыхнут брызги малины,
Если запоют болотные кочки,
И застрекочут листы осины,
Если взбежать на курган в поле.
Если вглядеться в простор вечный, —
Легче остаться в этом просторе,
Если почувствуешь взгляд встречный.

«Это дерево растёт хорошо…»

Это дерево растёт хорошо,
И за теремом трава высока, —
Будет скошена, и смечется стог.
Светлый сок внутри у дерева есть.

Как заноза в небо лёг самолёт,
И не видно им оттуда меня.
А с востока прибывает восторг —
Наводнение грозит всей земле.

Пряных грядок геометрия здесь,
Тело мускулы гоняет вовсю.
Крона дерева стоит, как портрет,
Излучает грусть и мудрость вождя.

Здесь дорога упирается в лес,
А другим концом сквозит через жизнь.
А в лесу тропинки-вены текут,
И по ним бежит зелёная кровь.

Хлюпнет щукою весло на реке,
Оторвётся облаками туман.
Возвращаюсь я к портрету вождя.
Солнце плещется в копне головы.

«Из малого ковша Медведицы…»

Из малого ковша Медведицы
Напиться ключевой воды.
С Медведицей глазами встретиться,
Увидеть зелень и сады.

Глядит вселенная, как матушка,
Так ласково глядит, без зла.
Она, завёрнутая в ракушку,
На кромку берега вползла.

Позванивают звёзды льдинками,
Вздыхает чёрная дыра…
Какими тихими картинками
Я занят был ещё вчера!

Этюд океанский

Печальны ль крики чаек? —
Кричально-угловаты,
До облаков ширяют
Ушасто-стекловатных.

То плюхнет, то поднимет,
То брюхнет, то отстанет.
Ох, загулял, родимый,
Опять пустился в танец!

Бодается и бредит,
Тьмой заливает след…
И замыкает солнце
Кораблик-шпингалет.

«Мозги – как садик на просушке…»

Мозги – как садик на просушке,
Глаза – раскрытые ладони.
Тепло исходит от подушки,
И соловей за стенкой стонет.

А на трапеции – булыжник,
И никому не увернуться.
И вот сейчас булыжник брызнет.
Успеть получше бы проснуться.

«Птичка сидит за решёткой…»

Птичка сидит за решёткой,
Рядом сидит человек.
Смотрят спокойно на волю
В тихом слиянии рек.

– Вырвемся, птичка, на волю,
Встанем ещё на крыло.
Купим с тобою бутылку,
Вырезки полкило, —

Он говорит, пожимая
Птичке свободной плечо.
Птичка кивает согласно,
Только плечо горячо.

Счастие кружит над ними,
Гулко летит самолёт.
След, словно линия жизни
Дельте реки не даёт

Смыть этот простоволосый,
Очень привычный сюжет.
Бездна зевает устало —
Здесь интереса к ней нет.

«Это яблоко никогда не упадёт…»

Это яблоко никогда не упадёт
Его никто не надкусит
Оно будет висеть так долго
Как долго висит свет звезды
Погибшей тьмы световых лет назад
Оно будет переливаться
Всеми ароматами жизни
Всеми радостями недоступной жизни
Будет звенеть
Всеми колокольчиками рая
Но никогда не узнает
Что не рождалось

Это звезда убитого ребёнка

«Истекающий завистью панелевоз…»

Истекающий завистью панелевоз,
Распалился, нещадно солярки нажёг.
Не даётся «газели». Приём силовой,
Как защитник хоккейный, согнувший свой рост,
Припечатает к борту, смешает с травой,
С синевой поднебесной. А дело лишь в том,
Что Шумахер панельный последний свой мост
Сжёг, с женой поскандалив. Теперь, за мостом
Он сидит на обочине, жвачку жуёт.
(Соловей в ближней рощице сдачу даёт.)
Не кричит, за грудки никого не трясёт,
Но поджилки трясутся, и сердце суёт
В точку шило своё, что под пятым ребром.
Подплывает бликующий белый паром,
Улетают одни, забирают других.
День как день, для работников служб городских.

«Упирается в стол взгляд…»

Упирается в стол взгляд.
На столе кулаки спят.
Помогает взглянуть вдаль
Застоявшийся хрусталь.

Это значит, звенит день,
Бьёт в бокалы окон весна.
Зацветёт ли опять пень?
Высота для него пресна.

Сок сочится. Но мутен сок.
Птицы тянутся, кричат.
И цветок глядит на восток —
Рядом с пнём цветочки торчат.

Всюду булькает, прёт, льнёт,
Норматив отрабатывает.
И протяжно пила поёт.
До-ски скла-ды-ва-ют.

«Животное выдаёт живот…»

Животное выдаёт живот —
Он мохнатый, вытянутый и хищный.
Человеком ведает рот,
А ещё около рта прыщик.

Чукча поёт. Слушайте, господа,
Ведь главное, чтобы по бездорожью вела тема.
Важно, чтобы чувствовала государственная орда,
Где проседает под её тяжестью система.

Гири часов вытягивают мир,
Превращаются, вместе с кукушками в эмблему.
Спит ящерица, если холода пир,
Но скользит в жару – насмешливая! —
как таракан по стенам.

Сперва потянется, как проснувшаяся власть,
И напитает свои солнечные батареи,
А потом любую муху любознательную – хвать в пасть,
И заработают все её цунами и бореи.

В животе животного может происходить взрыв,
Он может отразиться на лице человека гримаской.
Рим оплакивал Помпеи, юноша – на лице нарыв.
И никому не спрятаться от кирпича, даже под каской.

Жаропонижающее

Когда подтянет солнце галстук,
Войдёт в тенистые места,
Ты распластаешься, как палтус,
И станет голова пуста.

И этот глобус географий
Вдруг так закрутит облака,
Что вытекает сок из мафий,
Как парафин течёт река.

Так революций не свершают,
Не то, что в Африке какой…
Из Мавзолея вытекает
Благой, живительный покой.

Есть равновесие в природе,
Но будь, товарищ, начеку.
Пока топор скучал в колоде,
Никто не дёргал за чеку.

«Отчётливый час мертвечины…»

Отчётливый час мертвечины.
Хоть страшно, но, всё-таки, час.
И радостно пляшут мужчины,
И пристально смотрят на нас.

Разбужено чувство удачи.
И свечи над миром горят.
Привыкнем. И каждый заплатит.
Придёт справедливый парад.

Пока я пишу эти строки,
Меняются профили звёзд.
Собачка бежит в эпилоге,
И прыгают птички из гнёзд.

«Политика засослива и мстительна…»

Политика засослива и мстительна,
Угодлива, как дама переперчена,
Погодлива, циклончива, растительна,
Уродлива и гнилостью отмечена.

Ты слышишь голоса. И все – прохожие.
Набедренных костюмов шелестение.
Тела по ложам ложечкой разложены.
Мороженое пряное потение.

Казалось бы – завидовать и каяться,
Тереться, приспосабливаться к милости.
Где надо – оторваться и полаяться,
По лампе поскоблить, не без игривости, —

Какой-то добрый-добрый вдруг объявится.
Прикормит, пожурит, оставит кожицу.
Присмотришься и что-то намалявится
На кожице, похожее на рожицу.

Такая лёгкость возникает с дурости,
Как бы от перекормленного борова.
Покажется, что мир наполнен мудростью
И пищей. И ударит пища в голову.

Картина возникает живописная,
Куда там! Там колотят вновь ударники.
Отбойный молоток, с двойной харизмою —
Отбойный и отборные хабальники.

Шуршит волна. Шуршанье однобокое.
Однако и настойчиво-настырное.
Сбиваются валы, и одинокие
Цунами накрывают дни постылые.

«Как вытошнить – наговориться вволю…»

Как вытошнить – наговориться вволю,
С толпою выйти на панель,
Когда её поднакололи
И верно указали цель.

Смешаться с городом без цели
И увидать наверняка
Как львы свирепые запели,
Хлебнув полночи молока.

Воды холодное дыханье
Затянет страстной пеленой, —
И разбегутся все собранья,
Когда, разбуженный весной,

Позеленевший всадник спрыгнет,
Оттает и заговорит.
И это будет верный признак —
Вот как эпоха отболит!

«Тохтамыслью разольюсь-ка по древу…»

Тохтамыслью разольюсь-ка по древу,
Выбью степь, оставлю пыль за собою,
Солнце следом прогремит, как телега,
Тыловые забегают крысы.

Драматург в шатре домашнем, уютном.
Каравай земли делить здесь в охотку.
Не боится отравиться ядом трупным,
Даль его укрупняет походку.

Говорят, он заряжается кровью
И поэтому прослыл кровососом.
Ошибаются – питается новью,
Вы же видели зорек отбросы!

А раскинуть занавесочки-шторки,
Диафрагмами рискнуть, раздышаться?..
Глядь – в коре земной рождаются горки.
И опять на что-то надо решаться.

Верно, мыслит она нестандартно.
До обидного творчески мыслит.
Только мама не родит нас обратно.
И, пожалуйста, не думайте о кислом…

Посмотрите, вон сдаётся в аренду,
Самый лакомый кусок каравая.
Есть кого уже под зад да коленом,
У него кусок к рукам пригорает.

Утреннее

Трудоедливых жучков нововведенья.
Всюду ползают и нюхают, и жгутся.
Тошнота. Жирок накапливают. Тленье.
На приманку заползают, в сферу блюдца.

Кто-то шляпу приподнимет. Кто-то матом…
Кто-то просто усмехнётся постороннее.
И не огуляешь их булатом.
Вот гадёныши! А ты как будто пленник.

Впрочем, этого везде у нас хватает.
Кромка неба, чуть желтея, серебрится.
Кто-то отчество теряет, кто-то память
О живой и мёртвой северной столице.

«Лакмусовая бумажка Парижа…»

Лакмусовая бумажка Парижа…
Опять торопятся к скорой помощи —
Подышать, насладиться, подстроиться,
Подкрепиться, поплакаться, пошарить…
Карманные собачки
Скулят и тявкают.

Следующая остановка «Вашингтон».

«Посмотрел в микроскоп Луны…»

Посмотрел в микроскоп Луны,
И увидел душу свою.
Никакая она со спины,
А глаза… Как в строю стою.

А в строю-то меня трясёт.
Я не чин в строю берегу.
Здесь никто на меня не орёт.
Всё начальство на том берегу.

А шуга-то в реке шуршит.
Разгулялась нынче шуга!
Кто там звёздной рекой спешит,
Кто там прыгает с берега?

Оглянулся, увидел Смерть,
Помахала она рукой
И опять ступила на твердь
И пошла за целью другой.

Я отвёл микроскоп Луны
И закрыл его облаком,
Посмотрел на квадрат стены,
Бухнул по столу кулаком.

За окном шелестит листва,
Спутник тихо меж звёзд скользит.
Беспокойно блестит трава.
И ребёнок с улыбкой спит.

«Голову клонит осока…»

Голову клонит осока,
Ветер срывает листву.
Что же ты так одиноко
Лоб прижимаешь к стеклу?

Что же ты смотришь тоскливо
В эту гудящую даль?
Щёлкают в печке поленья,
Рядом висит календарь.

Чёрные, чёрные числа.
Светлые, светлые дни.
Глупые, глупые мысли
В голову лезут одни.

В этом крылатом посёлке
Много, наверно, любви.
Будто бы после прополки,
Здесь не осталось родни.

«Завинчивает гаечки циклон…»

Завинчивает гаечки циклон.
Шевелится Японии тритон
И думает: нырнуть ли в глубину
Или вползти на материк во всю длину.

«Под рухнувшей лавиной неба…»

Под рухнувшей лавиной неба,
Закопошилась жизнь опять.
Не златоутренняя нега,
А выживанье, без разбега:
Чуть шевельнуться, чуть привстать,

Проверить стынущие члены,
Глазами слабо воздух взять.
Домкратом пятиться – из плена.
Червячной гибкости колена,
Не удивляясь, открывать

Себя, в задавленно-хрустящем,
И, руку высунув, дышать
Ладонью. Словно протоящер,
Взломав века, взойти опять.

Видение

Соберёшь свой молчок в кулачок,
Развернёшь свои райские дни.
Так редиски алеет пучок,
Так же светятся лица родни.

Триста лет напрягается дом,
Бездну держит конёк на себе.
Стая птиц мимо окон – встаём,
Стая листьев – покорны судьбе.

Мы колеблемся, будто стволы,
В кровеносном граните живём.
Мы бросаем себя на столы,
Мы в сети пропадаем живьём.

В заболоченных снах суета,
Бормотание спаренных тел.
Молодая столица с листа
Запоёт, так, как я бы хотел!

А пока в глубине и вдали
Зреет гул, и турбины ревут.
Замыкающий нерв оголи,
И замкни, пусть нас молнии рвут.

Небо треснет, как старый гранит,
Сердце ёкнет, ракета взойдёт…
А пока что нас мама бранит,
И сестрёнка красиво поёт.

«Когда представишь эту землю…»

Когда представишь эту землю,
Когда обнимешь эту жизнь,
Покажется, что солнце дремлет,
А торжествующая синь

Забулькает, и над болотцем
Вспорхнёт космический корабль,
Журавль, скользящий над колодцем,
Откликнется. И как ни жаль

Распуганную даль стреножить,
Графитовый оплот стиха
Я выну из старинных ножен,
Законсервирую века.

Посмотрит злобно серый спутник,
Неодобрительно – стратег.
Но стержни строк уже к полудню
Затормозят распада бег.

«Наградят улыбкой…»

Наградят улыбкой.
Мало того, что разбудят поощрением,
Но и зажигание врубят,
Платформа вытолкнет:
Прянет гордый в пространство неопознанное.
Нет пути назад.
Только если солнце погаснет,
Или затормозит атмосфера плотная,
Да летающий без тормозов
Выделит энергию непомерную,
Так что и птицы заглохнут,
Мобильники отключатся,
А звуки необъятного восхищения полётом
Ажурно врежутся в память.

«Вольга и Волга, воля и полынь…»

Вольга и Волга, воля и полынь.
Тепло, переходящее в жару.
Раскаянье рыдающее сдвинь
И оторви, как старую кору.

Ствол высоты и крона ясных дней —
Вот древо, поднимающее нас.
Живое обнимая всё плотней,
Мы выверили начертанье трасс.

Всё прежнее. Всё на своих местах.
Но глубже вдох и дерзновенней ум.
И пятится, и суетится страх,
И пропадает окруженья глум.

Гуляют гауляйтеры в саду —
Глядят как просыпается весна —
Как рыбы золочёные в пруду,
И похоть их печальна и пресна.

Гламурные стоянки наших дней,
С их пробками системы кровяной,
Закупорили город, от корней
И до гортани, где резвится гной.

И в стык не попадает колесо.
Выпрыгивает с насыпи состав.
Идёт волна, и, словно пылесос,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.